

С. Экиштут
Москва

Карьера юрисконсульта

Иннокентий Федорович Анненский родился в семье потомственного чиновника и был чиновником в третьем поколении. Его знаменитый «Кипарисовый ларец» вырос на той самой почве, на которой раньше росло лишь крапивное семя.

Вот почему необходимо разобрать весь этот «сор» и проследить родословную крапивного семени. Не было бы крапивного семени – не появился бы на свет «Кипарисовый ларец».

Происходивший из духовного сословия Николай Ильич Анненский (1773–1845), родной дед поэта, учился вместе с будущим графом Сперанским в Александро-Невской духовной семинарии в Петербурге, куда направлялись лучшие слушатели провинциальных семинарий со всей России. В конце XVIII века столичная семинария давала своим питомцам прекрасное энциклопедическое образование: помимо традиционных семинарских дисциплин – теологии, метафизики, риторики семинаристы изучали высшую математику, физику, современную философию эпохи Просвещения, историю, древние языки – латынь и греческий, французский язык. В семинарии была обширная библиотека, а сам уклад семинарской жизни вырабатывал у её воспитанников навыки самостоятельной работы с книгами. Семинаристы умели черпать знания в книгах, запоминать прочитанное, доходчиво, кратко и логично излагать свои мысли на бумаге. Всё это весьма пригодилось им в дальнейшей жизни. Сокурсниками Сперанского и Анненского по семинарии были: будущий экзарх Грузии Феофилакт, литератор и плодовитый переводчик греческих классиков действительный статский советник Иван Иванович Мартынов; поэт, преподаватель риторики, историк Сибири, визитатор (инспектор) сибирских училищ, автор «Исторического обозрения Сибири» действительный статский советник Петр Андреевич Словцов, впоследствии столь популярный в среде деятелей

сибирского областничества (они называли Словцова «сибирским Карамзиным» и «первым сибирским патриотом»¹). Все они не только сделали изрядную карьеру, но и – пускай в качестве фигур второго плана – сохранили свои имена на страницах отечественной истории.

Закончив обучение в семинарии, Николай Ильич Анненский, отказавшись от духовной карьеры, поступил на гражданскую службу, сулившую хорошо образованному и владевшему пером семинаристу заманчивые служебные перспективы. И он не обманулся в своих карьерных ожиданиях. Начав службу на излёте царствования Екатерины II, бывший семинарист в короткое правление Павла I сумел зарекомендовать себя исполнительным и деловым чиновником, а «дней Александровых прекрасное начало» сообщило мощное ускорение его карьере. Анненский, быстро преодолевая трудные препятствия, поднялся на несколько ступеней служебной лестницы и стал занимать посты, сопряженные с реальной властью. Он давно уже не переписывал деловые бумаги, а составлял важнейшие из них и представлял канцелярские документы на подпись тех, кто волею судеб находился на вершине бюрократической пирамиды. И от этих бумаг, умело составляемых Анненским, зависело очень многое. Это понимал он сам, об этом были прекрасно осведомлены его патроны, которые не скупились его награждать.

Чтобы убедиться в справедливости данного утверждения, достаточно перечислить основные вехи должностной биографии Анненского. И да простит мне строгий читатель множество уводящих в сторону подробностей, но дьявол кроется в деталях!

В 1802 году, после учреждения в Российской империи министерств, Николай Ильич занял видный служебный статс-секретаря в канцелярии тайного советника и сенатора Михаила Никитича Муравьёва, в минувшем «осмнадцатом столетии» бывшего «кавалером» при великих князьях Александре и Константине Павловичах и преподававшего им русскую словесность, русскую историю и нравственную философию, а в 1802-м ставшего товарищем министра просвещения. Помимо этого, Муравьёв был куратором Московского университета и находился «у принятия подаваемых Его Императорскому Величеству прошений».² Очевидно, что немалая часть этих прошений проходила через руки Анненского, который очень быстро вырос в чинах и стал заметной фигурой в среде столичного чиновничества. В мае 1803 года в возрасте тридцати лет он был пожалован чином коллежского

советника (VI класс Табели о рангах, соответствовал воинскому чину полковника), а 30 мая 1804 года получил диплом на потомственное дворянское достоинство, вместе с которым ему был пожалован родовой герб. «Щит разделён крестообразно на четыре части, из коих в верхней в голубом поле изображена шестиугольная золотая звезда; в нижнем в чёрном поле зажжённая серебряная бомба; в правом красном поле серебряная шпага остриём вверх; в левом золотом поле находится журавль, стоящий одною лапою на земле, а в другой держит камень. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною с страусовыми перьями. Намет на щите голубой и красный, подложенный золотом». В 1805-м Николай Ильич стал младшим помощником реферendarия (говоря современным языком, референта) в 3-й экспедиции Комиссии составления законов. Экспедиция занималась разработкой коммерческого уложения. Начальство оценило его способность логично, точно и кратко излагать суть любого запутанного дела. Анненский овладел уже настолько прочной служебной позицией, что даже нелепая смерть его патрона сенатора Муравьёва, простудившегося на похоронах друга, никак не сказалась на карьере Николая Ильича. Утратив одного покровителя, он незамедлительно обзавелся новым. Уже всходила звезда его соученика по семинарии Михаила Михайловича Сперанского, которого император Александр I приблизил к своей особе. 17 ноября 1807-го Анненский получил чин статского советника (V класс Табели о рангах). В следующем году он, явно не без помощи Сперанского, стал помощником начальника 2-го отделения Комиссии составления законов.³ Это отделение было занято составлением уголовного уложения. В это время товарищ министра юстиции действительный статский советник Сперанский сначала стал членом Совета и одновременно членом правления вышеупомянутой Комиссии составления законов, а затем встал во главе её. Анненский, уже имевший опыт законотворческой деятельности, прекрасно зарекомендовал себя на новом месте и был удостоен ордена Св. Анны 2-го класса.⁴

В ту далекую пору ордена, даже среди боевых офицеров, были большой редкостью, а уж носившийся на шее высокий знак отличия, каковым был пожалованный Анненскому орден, резко выделил чиновника среди его собратий по бюрократическим коридорам власти и дал повод для каламбуров: Анненский кавалер Анненский, Анненский с Анной на шее, Анненский с Анненским крестом на шее и тому

подобное. Сошлюсь на мемуарный источник, написанный в конце 1840-х годов. Вспоминает Фаддей Венедиктович Булгарин, в то же самое время, что и статский советник Анненский, в чине корнета удостоенный за воинскую доблесть значительно более низкого ордена Св. Анны 3-го класса: «Это было тогда чрезвычайно редкое, почти неслыханное событие! Представление к награде орденами отличившихся было нам не известно, и мы получили награду неожиданно, сюрпризом. Все мы были в восторге, обнимались и целовались, и вышед из Мраморного дворца, были в таком расположении духа, что, если б нам приказано было штурмовать сейчас Петропавловскую крепость, мы бросились бы на картечи, не рассуждая ни полсекунды. Тогда были другие нравы – и молодые люди не стыдились выказывать свой юношеский пламень и быть благодарными. Теперь мода повелевает казаться со всеми холодным и ко всему равнодушным. Теперь большею частью принимают награду как должное; при получении оглядываются на других, рассчитывая, кто должен был получить более, а кто менее, и почитают неприличным считать награду за милость и быть благодарными за внимание».⁵

В 1810-м Анненский был назначен состоять при тайном советнике Петре Степановиче Молчанове, который был статс-секретарем государя и значился в официальном справочнике как «находящийся у принятия приносимых на Высочайшее Его Императорского Величества имя прошений, производящий дела Комитета Министров».⁶ О том, какова была репутация Николая Ильича в эти предвоенные годы, поведал в своих мемуарах уже знакомый нам Фаддей Булгарин: «Комиссией прошений управлял действительный статский советник Петр Степанович Молчанов, человек деловой и опытный, а при нем производителем дел находился статский советник Николай Николаевич Анненский, делец в полном значении слова. – Процесс моей матери еще не был кончен, и я должен был знать всех дельцов...».⁷ Память слегка подвела мемуариста: он на один ранг понизил чин Молчанова и перепутал отчество Анненского, но суть передал верно; действительно, Николай Ильич имел реноме опытного дельца, хорошо знакомого с ходом деловых бумаг, подаваемых на имя императора.

В 1811 году Анненского поднялся на ещё более высокую ступень: его назначили юрисконсультom Министерства юстиции.⁸ Да не введет в заблуждение моих читателей современно звучащее слово

«юрисконсульт». В наши дни юрисконсультам несть числа; они чаще всего работают в различных компаниях и фирмах, где имеют ограниченный круг обязанностей и следят за законностью всех внешних и внутренних операций по предоставлению товаров или услуг. В XIX веке дела обстояли иначе: должность юрисконсульта была штучной и почиталась весьма высокой, а каждый чиновник, которому посчастливилось её занять, вместе с ней сразу же получал и высокий статус в настоящем, и прекрасные карьерные перспективы в будущем. Обретя эту должность, чиновник Анненский стал очень заметной министерской фигурой. Юрисконсульты Министерства юстиции занимались составлением согласительных предложений министра юстиции по делам, вызвавшим разногласие при рассмотрении их в Сенате, а также предварительным обсуждением некоторых дел по управлению личным составом судебных установлений Российской империи. В конфликтных ситуациях именно юрисконсульты объясняли министру юстиции существующие законы и границы их применения. Обратимся к официальному справочнику за 1815 год и изучим список чиновников Министерства юстиции на момент окончания наполеоновских войн. Что же мы видим? Список открывается фамилией министра юстиции действительного тайного советника Дмитрия Прокофьевича Трощинского, затем следует товарищ министра – вакансия, за ним директор департамента – вакансия, после чего идут фамилии трёх юрисконсультов, каждый состоит в чине статского советника.⁹ Анненский стоит на втором месте, но играет отнюдь не второстепенную роль. Его служебный опыт был уникален, ибо включал не только искущённость в практическом применении существующих законов, но и хорошую школу законотворческой деятельности в Комиссии составления законов. И этот опыт оказался востребован. Ведь в это время еще не были изданы ни Полное собрание законов Российской империи в 45 томах, ни Свод законов в 15 томах. Эти капитальные издания большого формата, благодаря самоотверженной деятельности Сперанского, выйдут в свет лишь в царствование Николая I – соответственно в 1830-м и 1832 году. О том, к каким ухищрениям приходилось прибегать российским законоведам, чтобы хоть как-то компенсировать отсутствие необходимой литературы, простодушно поведал в своих воспоминаниях коллега Николая Ильича, юрисконсульт Министерства юстиции Николай Степанович Ильинский.

«Служа в Коллегии и стараясь прилежностью привлечь к себе внимание, меня начали часто посылать в архив за делами и книгами, в коих переплетали ежегодно с начала учреждения Коллегии указы, поручали приискивать из них нужные к предметам, о которых дела производились. (Видя), как отличены другие товарищи за труды и внимание, я начал им подражать до того, что каждую неделю, дежуря в Коллегии, я после полудня брал указные книги, читал их и слышал от старших меня и даже от сторожа Старкова, бывшего в дальних походах разных при Петре Великом и при преемниках его, *происшествия хорошие и неприятные и напечатлевал их в своей памяти, искал в указах описания их, а особливо кто и за что наказан или сослан в ссылку*. От сего началась во мне какая-то страсть к законам. Когда (случалось) получить в Коллегию из Сената экземпляры манифестов, постановлений, указов и всякого рода <...> трактатов, я всячески старался выпросить себе экземпляр. *Страсть сия доводила меня до того, что начал выдирать из указов книг экземпляры в архивах, собирая лишние, или себе присваивать*. Даже один раз, ночуя у секретаря моего Потоцкого, вытащил из шкапа его экземпляры о казни Пугачева. Вот мое истинное признание, и вот до чего доводит всякая излишняя страсть, хотя бы она в существе своем и клонилась к доброму. Правда, совесть меня начала мучить, и я, собрав в кучу вырванные из книг экземпляры, положил паки в архив, облегчая сие мучение совести» (курсив наш. – С.Э.).¹⁰

Опала Сперанского, последовавшая в роковом 1812 году, практически никак не сказалась на служебной карьере юрисконсульта Анненского: он не был выслан из столицы, подобно ближайшим сподвижникам Михаила Михайловича, и сохранил свою должность. А вот очередной чин воспоследовал лишь после окончания опалы и возвращения тайного советника Сперанского на государственную службу. 24 января 1818 года Анненскому был пожалован чин действительного статского советника (IV класс Табели о рангах, соответствовал военному чину генерал-майора). Отныне чиновника стали именовать «ваше превосходительство». К этому времени он уже получил второй высокий орден – шейный крест Св. Владимира 3-й степени. Это была очень лестная и высоко ценимая как военными, так и гражданскими чиновниками награда. Я внимательно изучил официальный справочник и пришёл к выводу: в 1818-м ни один из

чиновников Министерства юстиции, за исключением министра, не имел этот знак отличия.¹¹

Судя по всему, голова у юрисконсульта закружилась, и он утратил чувство меры и адекватность восприятия окружающей действительности. Николай Ильич Анненский, отец большого семейства, чтобы обеспечить будущность своих 14-ти детей, стал слишком активно извлекать из собственной должности так называемые безгрешные доходы, то есть, попросту говоря, взятки. В то время светское общество в высшей степени терпимо относилось к взяткам и взяточникам. Вспомним Лермонтова: «объявленный взяточник принимается везде очень хорошо: его оправдывают фразою: и! кто этого не делает!...». Михаил Александрович Дмитриев, обер-прокурор московского департамента Сената, четко объяснил этот феномен: «Нечего и говорить, что у нас не только берут взятки, но что без взяток не делается ни одно дело».¹² Однако даже для той во многом наивной эпохи, которая весьма снисходительно относилась к безгрешным доходам, беззастенчивость Николая Ильича в этом деликатном вопросе оказалась чрезмерной. Значительно опережая своё время, юрисконсульт осознал, что гражданский суд – это не то место, где устанавливается истина. Побеждает та из тяжущихся сторон, чьи доводы перед лицом судей оказываются более убедительными. И юрисконсульт решил материализовать своё открытие, превратив его в деньги. В своих несвоевременных прозрениях Николай Ильич явно перешел грань дозволенного. Его хорошо осведомленный современник полковник лейб-гвардии Измайловского полка Федор Николаевич Глинка, состоящий по особым поручениям при петербургском военном генерал-губернаторе, писал: «Юрисконсульт Анненский, пользующийся полною доверенностию министра юстиции князя Лобанова-Ростовского и употребляющий оную в полной мере во зло, не перестает брать взятки, портить дела и губить людей. Недавно увидел я полковника Куроша, бедного, расстроенного... Что с вами сделалось? – Злодей Анненский зарезал! Просил с меня тысячу рублей; я, понадеясь на правоту, не дал. Он обратился к соперницам, взял 2 тыс. и поворотил дело в их пользу».¹³ Это безапелляционное суждение современника нуждается в комментариях. Спору нет, полковник Глинка был благороднейшим человеком, однако его правовая культура, как и правовая культура людей той эпохи, базировалась

на представлении о том, что судить надлежит не столько по закону, сколько по совести или, если угодно, по душе. Минуло полвека, но ничего не изменилось. Вспомним колоритную сцену из комедии Александра Николаевича Островского «Горячее сердце» (1869). Городничий Серапион Мардарыч Градобоев, «капитан при регалиях», спрашивает провинившихся городских обывателей, как их судить.

*«Градобоев (саясь на ступени крыльца). До бога высоко, а до царя да-
лёко. Так я говорю?»*

Голоса. Так, Серапион Мардарыч! Так, ваше высокоблагородие.

Градобоев. А я у вас близко, значит, я вам и судья.

Голоса. Так, ваше высокоблагородие! Верно, Серапион Мардарыч.

Градобоев. Как же мне вас судить теперь? Ежели судить вас по зако-
нам...

1-й голос. Нет, уж за что же, Серапион Мардарыч!

Градобоев. Ты говори, когда тебя спросят, а станешь перебивать, так
я тебя костылем. Ежели судить вас по законам, так законов у нас много...

Сидоренко, покажи им, сколько у нас законов.

Сидоренко уходит и скоро возвращается с целой охапкой книг.

Вон сколько законов! Это у меня только, а сколько их еще в других ме-
стах! Сидоренко, убери опять на место!

Сидоренко уходит.

И законы всё строгие; в одной книге строги, а в другой еще строже, а
в последней уж самые строгие.

Голоса. Верно, ваше высокоблагородие, так точно.

Градобоев. Так вот, друзья любезные, как хотите: судить ли мне вас
по законам, или по душе, как мне бог на сердце положит.

Сидоренко возвращается.

Голоса. Суди по душе, будь отец, Серапион Мардарыч.

Градобоев. Ну, ладно. Только уж не жаловаться, а коли вы жаловать-
ся... Ну, тогда уж...

Голоса. Не будем, ваше высокоблагородие».

Полковник лейб-гвардии Измайловского полка Глинка был не чета капитану Градобоеву, однако даже он, один из самых образо-
ванных людей той эпохи, автор книги «Письма русского офицера»,
которую взахлеб читала русская образованная публика, по уровню

своей правовой культуры ничем не отличался от комедийного персонажа. Итак, даже очень образованные люди в первой четверти XIX века не имели ни малейшего представления о состязательности гражданского процесса и были убеждены в том, что нравственная правота выше формальных параграфов законов. Будущий декабрист генерал-майор князь Сергей Григорьевич Волконский, участник 58 сражений и человек чести, и его брат Никита отказались исполнить духовное завещание своей тетки, которая отписала им благоприобретённое имение в несколько сот душ крепостных крестьян. Завещание соответствовало действующим законам и было надлежащим образом оформлено. Однако князья Волконские посчитали, что нравственное чувство выше закона, поэтому имение по совести должны наследовать не они, племянники, а родной сын тётки, и передали имение ему. «Мы это сделали по убеждению нашей совести в справедливости нашего действия. И даже теперь по прошествии более пятидесяти лет, при стесненных обстоятельствах моего быта денежного и такого же детей моих, все-таки говорю себе, что я хорошо сделал».¹⁴ Итак, в Золотой век русской культуры, который часто называют Пушкинской эпохой, даже в высшем петербургском свете всецело господствовал настоящий правовой нигилизм. Ситуация усугублялась еще и тем, что законов никто толком не знал, а столбовые дворяне не желали заниматься канцелярскими делами.

«Почтенный Александр Иванович! Будучи совершенно чужду ходу деловых бумаг... 7 лет я службою не занимался, не написал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником»,¹⁵ — с нескрываемым вызовом написал мелкий чиновник и 600-летний дворянин Александр Сергеевич Пушкин полковнику лейб-гвардии Павловского полка Казначееву, правителю канцелярии Новороссийского генерал-губернатора графа Михаила Семеновича Воронцова.¹⁶ (Доселе ни один пушкинист не обратил ни малейшего внимания на то, что в 1824 году Казначеев носил военный мундир, украшенный боевыми знаками отличия.) Впрочем, это письмо содержало в себе не только вызов, но и тонкий психологический расчет. Поэт справедливо полагал, что его отчужденность от «хода деловых бумаг» найдет должное понимание у ветерана Отечественной войны 1812 года и племянника известного борца за чистоту русского литературного языка адмирала Шишкова. Два с половиной года спустя Пушкин

слово в слово повторит эту же чеканную формулировку «Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг»¹⁷ в письме к генерал-адъютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу, одному из прославленных героев наполеоновских войн, и вновь встретит полное понимание боевого генерала. Поэт мастерски задел чувствительные струны его натуры. «Я заметил, что Бенкендорф был совершенно чужд производству дела. Он не постигал, что каждая бумага требует времени для соображения, времени, чтоб сочинить ее, времени, чтоб переписать и проверить. Приказывал он всегда в полслова, потому что подробно и обстоятельно приказать не мог и не умел».¹⁸ Пушкин был прекрасным психологом. Дворяне, служившие царю и Отечеству шпагой и проливавшие свою кровь на полях сражений, по-прежнему с известной долей презрения смотрели на тех, кто служил пером и проливал лишь чернила, и пушкинское высокомерное презрение к официальному ходу деловых бумаг не могло не вызвать у них сочувствия.

Однако вернемся к юрисконсульту Анненскому. Должностные обязанности юрисконсульта Министерства юстиции не были четко определены ни законом, ни обычаем. Предполагалось, что юрисконсульт является ученым правоведом, обладающим максимально возможной в тех условиях осведомленностью о существовании действующих законов и сфере их применения. Напомню, что Свод законов еще не был издан. Поэтому от эрудиции юрисконсульта зависело очень многое. Николай Иванович Тургенев, нарисовав в своей знаменитой книге «Россия и русские» (Париж, 1847) широкую панораму русской политической жизни первой трети XIX века и желая объяснить европейскому читателю особенности судебного устройства в Российской империи, поделился собственными наблюдениями: «Вряд ли в университетах существуют кафедры, где преподают русское законодательство. Есть кафедры римского права, естественного права, государственного права, международного права и пр., но достаточно поставить рядом два слова: *русское* и *право*, чтобы тотчас убедиться, что ни преподавать здесь нечего, как нечему и учиться».¹⁹ В стране дореформенного суда еще не существовало сословия адвокатов. Были ходатаи по делам, *стряпчие*, как правило, из числа изгнанных со службы бывших чиновников, приказных крючков, знакомых с ходом деловых бумаг; отставных унтер-офицеров или отпущенных

на волю крепостных. Социальный статус поверенных в делах был крайне низок, а правовой статус отсутствовал вовсе. Вспомним Николая Васильевича Гоголя, в 11 главе «Мертвых душ» обстоятельно описывающего перипетии карьеры Павла Ивановича Чичикова: «И в ожидании лучшего принужден был даже заняться званием поверенного, званием, еще не приобретшим у нас гражданства, толкаемым со всех сторон, плохо уважаемым мелко приказною тварью и даже самими доверителями, осужденным на пресмыкание в передних, грубости и прочее, но нужда заставила решиться на всё».

По сути, юрисконсульт Анненский, решивший превратить в промысел собственное знание российских законов, указов и особенно судейского крючкотворства, опередил свое время. В пореформенную эпоху он, став адвокатом и действуя в интересах своих доверителей, на законном основании мог бы стать очень состоятельным человеком. Но Николаю Ильичу не повезло: он слишком рано родился. Его правовые познания были исключительно обширны, а поскольку действующее законодательство еще не было кодифицировано, эрудиция юрисконсульта позволяла отыскивать необходимые зацепки, должным образом истолковать законы и повернуть ход дела в нужную для просителя сторону. И он хотел конвертировать эти уникальные знания в звонкую монету. К своим занятиям юриспруденцией он мог бы с успехом применить новаторскую формулировку Александра Сергеевича Пушкина, в это же самое время высказанную поэтом по отношению к собственному стихотворству: это «просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость».²⁰ Напомню, что у Николая Ильича было 14 детей. Однако современники воспринимали его, как слишком алчного взяточника. К обычным взяточникам современник отнеслись снисходительно.

Вспомним ситуацию с полковником Курошем, который понадеялся на свою нравственную правоту в спорном деле, отказался дать Анненскому тысячу рублей. Полковник не пожелал оплачивать юридическое сопровождение своих интересов, но любой гражданский процесс – это всегда конфликт интересов. Каждая из сторон должна с максимальной убедительностью и четкостью сформулировать свои аргументы, а уж дело суда решить, доводы какой из сторон окажутся более весомыми. Человек, не знакомый ни с ходом деловых бумаг,

ни с юриспруденцией, не в состоянии сделать это самостоятельно, без помощи специалиста. Именно таким уникальным специалистом высочайшей квалификации и был Николай Ильич. Но эта очевидная для нашего времени истина еще не была осознана в первой четверти XIX века. Итак, полковник Курош был убежден в собственной правоте, и он не посчитал нужным оплатить услуги Анненского, чтобы тот подвел под эту правоту законодательную базу, сославшись на параграфы соответствующих законов. Соперники же полковника оплатили услуги специалиста и выиграли дело. Анненский получил две тысячи рублей и приобрел репутацию злостного взяточника.

В течение нескольких лет юрисконсульту Министерства юстиции всё сходило с рук. Но недаром говорят, сколько веревочке ни виться, а конец будет! 24 марта 1823 года был подписан именной императорский указ, в котором говорилось, что действительный статский советник Анненский «по делу князя Долгорукого с князьями Несвицкими противуречащими действиями своими за обе тяжущиеся стороны навлек на себя справедливое нареkanie <...> признавая поступок такой несогласным с правилами правоты и строгой честности, а по званию им носимому тем более не извинительным», следует его «от службы отставить и впредь ни к каким делам не определять».²¹ Вчитаемся в эти строки. За что поплатился Николай Ильич Анненский? За то, что он одновременно оказывал юридические услуги противоположным участникам тяжбы. Разумеется, он поступил аморально. Однако юрисконсульт не нарушил закон. Такого закона просто еще не было. В наши дни член коллегии адвокатов не может предлагать свои услуги противоположным участникам гражданского процесса. Во времена же юрисконсульта Анненского не было ни устоявшихся законов, ни устоявшихся обычаев об оказании юридических услуг. Поэтому даже в императорском указе говорится не о нарушении закона, а о «правилах правоты и строгой честности».

Император, подписавший указ об отставке, в это время находился на конгрессе в Лайбахе. По иронии судьбы, тайный советник Сперанский, хотя и возвратился в Петербург 22 марта того же 1823 года, удостоился императорской аудиенции только лишь 23 июня, спустя две недели после возвращения Александра I в столицу, и уже ничем не смог помочь своему бывшему соученику по семинарии.

Лишь спустя восемь лет, уже в новое царствование, по указу Николая I бывший юрисконсульт вновь был зачислен на государственную службу. Это произошло 21 февраля 1831 года, однако никакой должности он не исполнял, а, следовательно, жалованья не получал. Только спустя еще шесть лет, в 1837 году, действительный статский советник Анненский стал чиновником Министерства внутренних дел. Он сумел затеряться в толпе высокопоставленных министерских чиновников, и уже никто не вспоминал ни о его вынужденной отставке, ни о былом покровительстве Сперанского. Это была настоящая орда носителей чиновничьих вицмундиров, перечень имен обладателей которых занимал в официальном справочнике сорок строчек, набранных петитом. В 1845-м в Министерстве внутренних дел было: 17 чиновников особых поручений, состоящих при министре и имевших чины от статского до титулярного советника; 13 чиновников, состоящих при министерстве по высочайшим повелениям, имевших чины от генерал-майора и действительного статского советника до коллежского советника, несколько человек из этой группы носили придворное звание камергера; один генерал-майор и 12 действительных статских советников, состоящих при министерстве по распоряжению министра – одним из них был Николай Ильич Анненский. Его деловая хватка и уникальный служебный опыт практикующего юриста и ученого правоведа оказались востребованы. Николай Ильич прослужил в Министерстве внутренних дел до самой смерти, случившейся в 1845 году.²²

¹ Потанин Г. Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907. С. 2.

² Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1803. СПб.: Императорская академия наук, 1803. С. 7.

³ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1809. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1809. С. 235.

⁴ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1810. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1810. С. 95.

⁵ Булгарин Ф. В. Воспоминания. М., 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0170.shtml

⁶ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1810. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1810. С. 113.

⁷ Булгарин Ф. В. Указ. соч.

⁸ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1811. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1811. С. 517.

⁹ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1815. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1815. С. 642.

¹⁰ *Ильинский Н. С.* Воспоминания о моей жизни. Из записок Николая Степановича Ильинского / Публ. А. Круглого // Русский архив. 1879. Кн. 3. Вып. 12. С. 408.

¹¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук, 1818. С. 770.

¹² *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 259. (Россия в мемуарах).

¹³ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. М., 1998. С. 65.

¹⁴ *Волконский С. Г.* Записки. Иркутск, 1991. С. 142–143 (Серия «Полярная звезда»).

¹⁵ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 19 т. Т. 13. М., 1996. С. 92, 93.

¹⁶ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1824. В 2 ч. Ч. 2. СПб.: Императорская академия наук, 1824. С. 179.

¹⁷ *Пушкин А. С.* Указ. соч. С. 308.

¹⁸ Записки композитора Алексея Федоровича Львова (1797–1837) // Русский архив. 1884. № 4. С. 239.

¹⁹ *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001. С. 289.

²⁰ *Пушкин А. С.* Указ. соч. С. 93.

²¹ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 65.

²² Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1845 год. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Императорская академия наук; 1845. С. 165.